

ГУРАМ МАРХУЛИЯ

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

СИРИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.17>

Введение. В рамках международных отношений Ближний Восток традиционно выступает как один из ключевых центров, где зарождаются и развиваются процессы, не замыкающиеся в локально-территориальных рамках, но способные влиять на политическую ситуацию в глобальном масштабе. В современных условиях регион остается ареалом, в котором соприкасаются различные культуры и цивилизации, сталкиваются интересы не только региональных, но и глобальных игроков.

Последствия их действий весьма противоречивы и неоднозначны для народов, проживающих в регионе. В настоящее время ситуация обостряется. Вследствие этого имеются основания утверждать, что Ближний Восток, как в прежние периоды истории, так и в настоящее время, обладает весьма своеобразным статусом. При этом одной из болевых точек региона в течение вот уже целого ряда лет является Сирийская Арабская Республика, ситуацию в которой невозможно мыслить изолированно, вне географических рамок. Ключевые проблемы Ближнего Востока в настоящее время оказались сосредоточенными на ее территории, в результате именно здесь решается судьба всего региона.

Сложный характер сложившихся международных отношений, в которых современная Сирия проводит свою внешнюю политику, имеет ряд последствий, в том числе - ориентирует государственное руководство на выработку и реализацию определенных приоритетов. Их определение предполагает особое выстраивание внешнеполитической деятельности, сосредоточение усилий.

Вооруженное противостояние, изначально возникшее между официальными властями

САР во главе с президентом Башаром Асадом и лагерем его противников, вызвало пристальное внимание ряда региональных и международных акторов, что способствовало как усложнению структуры сирийского конфликта, так и его интернационализации. Эволюция конфликта происходила под воздействием множества разноплановых факторов, среди которых - привнесенная радикальными исламистскими группировками террористическая угроза, которая затем стала распространяться за пределы Сирии и далее - всего арабского мира.

Ключевые слова: *Сирия, Ближний Восток, международные отношения, Геополитика, Региональный порядок, Арабская Весна.*

За последнее десятилетие более широкая региональная среда безопасности Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) была сформирована циклом небезопасности и нестабильности. Структурная трансформация в БВСА высвободила такие силы, в результате которых регион был дестабилизирован многогранными конфликтами, в которые были вовлечены многие локальные, региональные и глобальные субъекты. Риски и проблемы безопасности, вызванные волной нестабильности и конфликтов, в значительной степени изменили международные отношения региона БВСА.

Десятилетие потрясений было вызвано в основном требованиями политической трансформации, наблюдаемыми в нескольких странах. Более широкие переходы в международном порядке также значительно ускорили темпы и направление региональной реструктуризации. Трансформация регионального порядка была вызвана волной народных восстаний, называемых Арабской весной. Хотя обещание демократических преобразований, возмещенное начальной фазой Арабской весны, породило

ло оптимизм, на ее второй фазе региональная трансформация все чаще рассматривалась в пессимистических терминах. Первоначальные прогнозы демократизации породили смешанные чувства относительно будущего направления региональной трансформации. Однако усилий ни одного субъекта в одиночку было недостаточно, чтобы помочь программе политической трансформации, а расхождения позиций, занимаемых различными международными субъектами, привели к остановке политических реформ. Все больше регион втягивался в цикл насилия, как это наблюдалось в Ливии, Сирии или Ираке, создавая множество проблем безопасности, которые угрожают местным субъектам, а также создавая внешние эффекты безопасности для международной системы в целом. Эта новая среда безопасности в конечном итоге изменила региональные и внерегиональные отношения к вопросу политической трансформации, сузив рамки для программы реформ.

Сегодня мы можем размышлять о перекрывающихся процессах реконфигурации государств, региона и динамики региональной безопасности, общие параметры которых на данный момент уже обрели некоторую форму. Социально-экономическое давление, различные конфликты и внерегиональное участие подорвали основы регионального порядка, что имело значительные последствия для идентичностей, границ, баланса сил и союзов. Затяжные гражданские войны, появление негосударственных субъектов, войны через посредников и внешние вмешательства еще больше подорвали видимость нормативного порядка. В то время как многие государства региона борются за сохранение своего суверенитета и территориальной целостности, другие решили перестроить своих партнеров. Некоторое время, чтобы подчеркнуть давление на национальные государства и границы, обсуждения были сосредоточены на будущем порядка Сайкса-Пико, который, как утверждают, заложил основы современной ближневосточной системы государств в пост-Османскую эпоху. По мере того, как прошла столетняя годовщина соглашений Сайкса-Пико, государственные границы оказались устойчивыми, хотя значение и состав предполагаемых национальных государств все еще пересматриваются.

Возможно, наиболее радикальное и долгосрочное воздействие структурной трансформации было оказано на динамику региональной

безопасности. Поскольку различные заинтересованные стороны не смогли стабилизировать регион, международные дела были еще больше секьюритизированы. Когда региональные игроки не смогли разработать эффективные инструменты для предотвращения, смягчения или стабилизации политических споров или военных конфликтов, характеристика региона как подсистемы, склонной к международному проникновению, вышла на первый план. Действительно, с самого начала кризисы в регионе были интернационализированы. Арабские восстания спровоцировали региональное и глобальное геополитическое соперничество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. С самого начала геостратегические структуры, основанные на прозападной и антизападной дихотомии, были разрушены. Во многом это было связано с колебаниями администрации США в решении, встать ли на сторону протестующих или давних авторитарных союзников Америки. В любом случае, американская интуитивная поддержка народных восстаний скорее ободрила, чем обескуражила контрреволюционные импульсы по всему региону. Участие внерегиональных субъектов в целом было далеко не конструктивным, отражая либо плохое состояние международных механизмов разрешения конфликтов, либо столкновение интересов, формирующих международные реакции. Снижение приверженности международного сообщества и политика сдерживания и относительного размежевания углубили вакуум регионального управления безопасностью. Сегодня регион БВСА воспринимается более рискованным, чем в начале Арабской весны, из-за множества дестабилизирующих факторов.

В этом специальном выпуске будут рассмотрены основные движущие силы и формирующиеся контуры новой ближневосточной геополитики. В нем будут представлены точки зрения некоторых региональных игроков, а также внерегиональных игроков.

Эдуард Солер Леха и Сильвия Коломбо рассматривают возникновение нового порядка в регионе БВСА с европейской точки зрения. Они проблематизируют движущие силы европейских концептуализаций этого региона, который стоит на «южном соседстве» Европейского союза (ЕС). Они не согласны с научными исследованиями, которые уделяют мало внимания взаимозависимости между реакциями ЕС и крупными геополитическими преобра-

зованиями, происходящими на региональном и внутреннем уровнях в странах региона. Они призывают исследовать новые политические ответы, которые учитывают взаимосвязь региональных преобразований и их влияние на саму Европу, что, среди прочего, может потребовать различных европейских подходов к вопросам конфликта и сотрудничества.

Как и другие авторы, Леча и Коломбо отмечают некоторые крупные геополитические сдвиги в регионе БВСА, такие как растущее влияние стран Персидского залива, поворот в сторону Африки многих стран региона, новая динамика глобального проникновения, связанная с возобновленными амбициями России, распространение региональных расколов и нестабильность альянсов и соперничества. Пытаясь оценить их последствия для ЕС, они прослеживают, как ЕС позиционировал себя в ответ на внутренние и региональные конфликты. В частности, они различают обстоятельства, при которых ЕС прибегал к стратегиям взаимодействия для формирования событий на местах, используя различные инструменты, и другие случаи, в которых он выбирал стратегии сдерживания и контроля ущерба. Они утверждают, что, сделав несколько трудных выборов с 2011 года, ЕС по-прежнему сталкивается с бурной проблемой принятия аналогичных трудных выборов в ближайшие годы. Таким образом участие ЕС в регионе все еще остается работой в процессе; последствия такого выбора сформируют стратегии, политику и инструменты Европы и определят, каким игроком будет ЕС в регионе БВСА.

В своей работе Леонид Исаев прослеживает общие изменения в политике России в регионе БВСА после распада Советского Союза. Он выделяет более широкую тенденцию, согласно которой Москва начала действовать на прагматичной платформе в эпоху после Холодной войны, отступая от идеологически обусловленной внешней политики. Среди других последствий он утверждает, что отсутствие какой-либо идеологической составляющей во внешней политике позволило Кремлю проводить более сбалансированную политику на Ближнем Востоке и одновременно поддерживать рабочие отношения со странами региона. Это позволило Москве развивать свои торговые и экономические связи с регионом.

Исаев дает краткий отчет о том, как российское академическое и политическое сообщество обсуждало Арабскую весну и как это в ко-

нечном итоге привело к новым политическим ответам. В этом отношении Исаев также наблюдает сдвиг в сторону более агрессивной линии внешней политики, которая была кристаллизована не только в геополитике БВСА после Арабской весны, но и на Украине. Во многих отношениях прямое военное вмешательство России в далекий конфликт, т. е. гражданскую войну в Сирии, выявило контуры этого нового курса действий. Он делает важное замечание о внутренней и международной связях в формировании российской политики. Он утверждает, что вмешательство в Сирии, изначально, было обусловлено стремлением решить собственные внутренние проблемы Москвы, а именно попытками российского руководства отвлечь внимание людей от внутренних экономических проблем. Тем не менее, взаимодействие в Сирии изменило свой характер таким образом, что превратилось в инструмент торга в отношениях Москвы с другими глобальными и региональными игроками. Он подробно описывает, как эта стратегия торга функционировала на практике.

Примечательно, что Исаев считает, что напряженность, вызванная внутренней и международной связями, вероятно, усложнит управление российским руководством этой напористой линией внешней политики; по его словам, руководство остается «заложником общественного мнения». Со временем внутренние тенденции, сдвиги в общественном восприятии внешней политики, ограниченное проникновение России в регион, накопление издержек, вызванных военными операциями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, станут основными препятствиями для сдерживания Кремля. Он считает, что будущая роль России в регионе Ближнего Востока и Северной Африки также далека от определений. Будущее участие Москвы в регионе будет колебаться между ролью «честного посредника» в региональных конфликтах или согласием на роль «младшего партнера» Вашингтона, Пекина или других субъектов. В любом случае эта роль будет зависеть от того, как российское руководство справится с напряженностью на внутреннем и международном уровне.

В своей статье Бинбин У. предлагает китайский взгляд на возникновение новых геополитических линий конкуренции между региональными игроками. Он определяет основные линии разделений в региональном балансе сил, такие как ослабленный и разделен-

ный арабский мир против мощных неарабских игроков. Более того, он определяет растущую видимость некоторых субгосударственных вооруженных игроков наряду с государственными игроками в региональных горячих точках. В частности, он утверждает, что в настоящее время существует четыре геостратегических оси: конкуренция между Ираном и Турцией за лидерство в исламском мире, тотальная стратегическая конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией, конкуренция между лагерем сторонников и противников Братства, а также внутриарабская конкуренция.

Политика Китая в отношении региона напрямую связана с принципами, лежащими в основе его международных отношений, такими как призывы к новой форме международных отношений и сообществу с общим будущим для человечества. Он утверждает, что интерес Китая к БВСА обусловлен шестью взаимосвязанными измерениями, включая стратегические, политические, энергетические, экономические, безопасность и культурные интересы. Более того, он также подробно описывает, как Китай запустил некоторые институциональные механизмы сотрудничества, которые дополняют сеть партнерских отношений с ключевыми странами региона. В рамках этих параметров Китай стремился укрепить свои отношения с БВСА, внедряя новые платформы, такие как Форум сотрудничества арабских государств Китая, двусторонние партнерства со странами региона и инициатива «Один пояс, один путь». Он отмечает, что ни Соединенные Штаты, ни Европа, ни Россия не намерены и не способны помочь Ближнему Востоку создать функционирующий механизм регионального сотрудничества. Более того, он отмечает, что Китай не участвовал в обсуждениях регионализации Ближнего Востока. Тем не менее, он выдвигает провокационную идею о том, что усилия Китая по продвижению регионализма в Западной Азии могут потенциально способствовать обсуждениям по перепроектированию региональной структуры безопасности.

В своей статье Хассан Ахмадиан анализирует стратегическое поведение Ирана в БВСА в период Арабской весны. В частности, он рассматривает причины, цели и масштабы региональной политики Ирана, которая была одним из самых противоречивых измерений новой геополитики региона. В частности, он дает краткий обзор эволюции стратегического планирования Ирана в регионе, т. е. обоснования

стратегического поведения Ирана и растущей роли на Ближнем Востоке после 2011 года. Здесь он наблюдает гораздо более глубокую трансформацию во внешней политике Ирана, в результате чего он также отказался от своей традиции неприсоединения и вместо этого принял стратегию балансирования после 2011 года. Это балансирование также меняет характер неприсоединения Ирана, так что Тегеран больше не рассматривает стратегическое взаимодействие и сотрудничество с мировыми державами как умаление его независимого характера в мировых делах. Теперь Иран чаще всего участвует в актах балансирования между международными державами друг против друга, чтобы отразить непосредственные угрозы своим основным интересам. Применительно к Ближнему Востоку эта трансформация знаменует собой важный процесс адаптации. Чтобы сохранить свое региональное положение и защитить «ось сопротивления», основная логика региональной политики Ирана теперь сосредоточена на сдерживании антистатус-кво политики его соперников, что означает, что Тегеран отказался от конфронтации с поддерживаемым США региональным порядком до 2011 года.

Ахмадиан предпочитает исключить внутреннее измерение региональной политики Ирана, в основном потому, что он считает, что великие стратегические выборы в значительной степени изолированы от внутренних соображений. Однако работа Махджуба Цвейри проливает свет на весьма актуальный вопрос, касающийся внутреннего поведения Ирана: дебаты вокруг преемственности нынешнего верховного лидера аятоллы Али Хаменеи. Он выходит за рамки политических дискуссий вокруг потенциальных кандидатов и вместо этого стремится раскрыть структурные факторы, которые направляют процесс выбора верховного лидера, а также положение и роль следующего верховного лидера. Он извлекает уроки из исторического опыта назначения предыдущих верховных лидеров — аятоллы Хомейни и аятоллы Хаменеи.

Интересно, что Цвайри не ограничивает свое внимание только религиозно-теологическими факторами; он подчеркивает широкий спектр политических, стратегических расчетов на внутреннем и международном уровне, которые входят в процесс отбора. В частности, экономические трудности внутри страны, дебаты о степени религии в политике и развивающиеся тенденции на международной арене

будут решающими факторами. В конечном счете Цвайри утверждает, что, учитывая структуру политической системы и институтов теократии, аппарат национальной безопасности, вероятно, будет играть важную роль в выборе будущего лидера в Иране.

В своем вкладе, используя модель Беннета в качестве своей теоретической основы, Маджед Аль-Ансари анализирует траекторию кризиса в Персидском заливе. Он определяет политических деятелей и их непримиримые требования ограниченных ресурсов как первопричину политической проблемы. Как он справедливо отмечает в статье, кризис в Персидском заливе находится в состоянии тупика. Действующие лица еще должным образом не переформулировали свои требования, поскольку все попытки начать диалог между действующими лицами потерпели неудачу. Он далее утверждает, что без переопределения требований, согласно модели Беннета, невозможно разрешение политического конфликта. Кроме того, он обсуждает, как предпосылки для урегулирования кризиса кажутся далекими от того, чтобы материализоваться в ближайшее время. Объяснительная сила модели Беннета в кризисе в Персидском заливе заключается в предоставлении рамок анализа для давних кризисов. При таком подходе гегемонистские амбиции Саудовской Аравии не исчезнут в обозримом будущем, и это является первопричиной кризиса. Он предполагает, что соглашение Аль-Ула в январе 2021 года не полностью затронуло корни этой борьбы за гегемонию и является лишь временным решением конфликта между Катаром и Саудовской Аравией.

В своей статье Шабан Кардаш изучает реалистический поворот в политике Турции на Ближнем Востоке, который проявился в новых политических инструментах, используемых Анкарой. Он утверждает, что обращение Турции с 2015 года к принудительным позициям для устранения угроз со стороны Сирии и Ирака посредством применения трансграничной военной силы знаменует собой водораздел. Он подробно излагает свои аргументы в критическом случае, а именно отказ Турции от политики взаимодействия с курдскими ревизионистскими субъектами в Ираке и Сирии и наклон в сторону принудительного подхода, включая военное позиционирование.

Кардаш утверждает, что эта новая ориентация отражает недавние преобразования в стратегической среде Турции, в результате чего она

прошла через крутую кривую обучения, страдая от множества рисков безопасности, создаваемых разворачивающимися конфликтами на юге, вызванными трансформацией ближневосточного порядка. Столкнувшись с разрушительным воздействием радикально изменившейся региональной обстановки безопасности, которая столкнула ее с вызовом курдского ревизионизма на ее границах, Турция более склонна рассматривать Ближний Восток в реалистичных терминах, где угрозы ее территориальной целостности вновь разожгли опасения за национальное выживание. Приняв неоклассическую реалистическую структуру, Кардаш далее утверждает, что рост секьюритизированной внутренней политической среды и зарождающийся силовой блок, построенный на консервативных и националистических основах, ускорили поворот к реализму. Он также предлагает предварительную оценку политических последствий этого нового этапа для внешнеполитической ориентации Турции.

В своей статье Идил Озтыг и Бюлент Арас проблематизируют, отразились ли арабские восстания на Кавказе и в Центральной Азии с точки зрения их преобразующего воздействия на политические режимы там. Быстрое распространение общественных требований о хорошем управлении, политических правах и гражданских свободах из одной страны в другую в регионе БВСА, естественно, заставило многих ожидать, что протесты также перекинутся на соседние регионы и за их пределы. Действительно, волна протестов также прошла в Центральной Азии и на Кавказе после Арабской весны. Политическая оппозиция в регионе мобилизовала людей вокруг таких проблем, как социально-экономические трудности, фальсификация выборов, ограничения прав и свобод и коррупция в сфере предоставления государственных услуг. Протесты в основном были направлены на конкретные условия труда, рост цен и вопросы социального обеспечения и выхода на пенсию. Все это породило проблему в Сирии.

От арабской весны к войне в Сирии

Более полувека династия Асадов, казалось, имела несокрушимую власть над Сирией. Опираясь на грозный аппарат безопасности, жестокое применение силы и могущественных союзников, таких как Россия, Иран и Хезболла, она выдержала многочисленные восстания и даже

ужасную гражданскую войну, в которой погибли сотни тысяч человек, и на какое-то время режим потерял контроль над большей частью страны. В последние годы президент Сирии Башар Асад, чье правительство подвергалось санкциям и остракизму со стороны региональной и международной дипломатии с 2011 года, даже восстановил часть своих позиций, когда Лига арабских государств восстановила Сирию, и пошли разговоры о смягчении санкций.

Однако в конце концов режим оказался карточным домиком. К удивлению всего мира, он был сокрушен исламистскими повстанцами из Хайят Тахрир аш-Шам — Сирийской освободительной группы в считанные дни, без особого сопротивления. В воскресенье, когда повстанцы быстро взял под контроль Дамаск, Россия объявила, что Асад нашел убежище в Москве, а его бывшего премьер-министра сопроводили в отель Four Seasons в сирийской столице, чтобы официально передать власть. Все это заняло менее двух недель, с небольшим кровопролитием, в отличие от огромного числа людей, которые потеряли свои жизни во время войны.

Удивительная последовательность событий, которая позволила повстанцев свергнуть сирийский режим, имела много причин, включая драматическое обезглавливание Израилем союзника Сирии Хезболлы и уничтожение большей части ракетного арсенала группировки, подрыв иранской власти и влияния из-за потери Хезболлы как ее «передовой обороны», срыв переговоров о примирении между Анкарой и Дамаском, недоплачиваемую и деморализованную армию Сирии и озабоченность России дорогостоящей войной, которую она развязала в Украине. Молниеносное наступление повстанцев, по-видимому, изначально было одобрено Турцией, которая долгое время защищала их в их оплоте в Идлибе, на северо-западе Сирии. Но в основном это была внутренняя сирийская кампания. 30 ноября, казалось бы, из ниоткуда, повстанцы за один день взяли второй город Сирии, Алеппо, и двинулись на юг к Дамаску. По мере того, как они это делали, они спровоцировали спонтанные восстания против правления режима в Эс-Сувейде и Дараа на юге и Дейр-эз-Зоре на востоке. 5 декабря они захватили Хаму, четвертый по величине город Сирии; два дня спустя они взяли Хомс, третий по величине город, который находится на дороге, связывающей Дамаск, столицу, с алавитским сердцем режима в горах,

нависающих над побережьем Средиземного моря. Необычайный импульс повстанцев в сочетании с резко подорванной базой поддержки правительства был слишком велик, чтобы режим мог ему противостоять.

В своей гонке за Дамаск повстанцы довели высоко интернационализированную гражданскую войну, по крайней мере на данный момент, до положительного завершения, практически без какого-либо иностранного вмешательства. В конце концов, сирийские города, которые режим Асада и его сторонники, Россия, Иран и Хезболла, годами кровавых бомбардировок и осад отвоевывали во время гражданской войны, были легко захвачены силами оппозиции. Захват страны повстанцами знаменует собой тектонический сдвиг на Ближнем Востоке, который оставляет основные региональные и международные державы неуверенными в том, как реагировать. Еще несколько недель назад администрация Байдена работала с Объединенными Арабскими Эмиратами над отменой санкций против Сирии в обмен на то, что Асад дистанцируется от Ирана и блокирует поставки оружия Хезболле, казалось Асад был готов к предложениям Запада, однако ситуация резко изменилась.

Падение Асада также показывает, насколько взаимосвязаны и непредсказуемы различные конфликты в регионе, и что может произойти, если их игнорировать или нормализовать. Израильско-палестинский конфликт и гражданская война в Сирии разделили эту судьбу. Внезапное возобновление израильско-палестинского конфликта с атакой ХАМАС 7 октября привело к войне Израиля в секторе Газа, кампании хуситов в Красном море, войне Израиля в Ливане и сериям атак между Ираном и Израилем. В Сирии это последнее землетрясение положило конец существующему порядку. В обоих случаях стремительные потрясения, к которым не были готовы никакие внешние субъекты, показывают глупость обхода затяжных конфликтов на Ближнем Востоке ради сохранения невыносимого статус-кво. Хотя остается много вопросов о том, как смогут ополченцы управлять страной — и сможет ли она действительно бороться с различными группами, конкурирующими за влияние, — конец Асада, похоже, наверняка изменит баланс сил в регионе.

Наступление повстанцев на Асада берет свое начало в гражданской войне в Сирии, которая началась в 2011 году и так и не закон-

чилась. Во время восстаний Арабской весны граждане Сирии начали мирные протесты, но смертоносные репрессии режима заставили некоторых протестующих взяться за оружие и вмешаться повстанческие силы. По мере того, как гражданская война становилась все более жестокой, она также вовлекла в нее экстремистские группировки, такие как АКИ (Аль-Каида в Ираке) и ее ответвление Исламское государство (также известное как ИГИЛ). Конфликт быстро стал международным, поскольку внешние державы — Иран, страны Персидского залива, Россия, Турция и США, в частности, — поставляли оружие и средства своим предпочтительным вооруженным группировкам. Но в то время Иран и Россия, союзники сирийского режима, оказались более преданными: Иран и его доверенные ополченцы — особенно «Хезболла» — помогали Асаду осаждать и бомбардировать его собственный народ; Россия со своими истребителями уничтожала целые города. По оценкам, с их помощью режим убил не менее полумиллиона своих людей, заставил исчезнуть еще 130 000 человек и оставил около половины населения — около 14 миллионов — перемещенными лицами. В конце концов, ООН даже перестала считать погибших.

Конфликт имел далеко идущие международные последствия. Прибытие более миллиона сирийских беженцев в Европу в 2015 году ускорило рост крайне правых партий во многих европейских странах, заставив европейские правительства укрепить связи с авторитарными лидерами, такими как президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган и президент Туниса Каис Саид, чтобы остановить поток беженцев. Многие из этих партий также заискивали перед Дамаском и Кремлем, что было дополнительной выгодой для обоих режимов. Война также стала крупным переворотом для Москвы, которая использовала свое успешное вмешательство 2015 года, чтобы поддержать режим Асада и расширить собственное военное влияние. Впервые после окончания холодной войны Россия оказалась втянутой в крупный международный конфликт за пределами своего своего привычного ареала. Россия своим неожиданным появлением в пространстве Сирии стремилась показать Западу, что она является глобальным игроком в международных отношениях, а не региональным.

Россия также дорожит своим доступом к своему единственному тепловодному порту — в Тартусе на средиземноморском побере-

жье Сирии, — а также своим контролем над авиабазой Хмеймим около Латакии на западе Сирии.

И хотя растущий союз России с Китаем часто прослеживается с начала ее полномасштабного вторжения в Украину в 2022 году, укрепление связей двух стран на самом деле началось с гражданской войны в Сирии, когда Пекин начал голосовать в ногу с Кремлем в Совете Безопасности ООН, используя свое право вето чаще, чем когда-либо прежде. Хотя роль Китая в Сирии была минимальной, его голоса и риторика в поддержку сирийского режима были способом дать отпор гегемонии США и попыткам бросить вызов суверенным правительствам за нарушения прав человека, тем самым помогая Пекину объединиться с Кремлем в том, что позже стало партнерством «без ограничений».

К 2018 году, гражданская война в Сирии была управляемой и в значительной степени сдерживаемой. Союзники и враги Асада увенчали его победой, хотя, по многим данным, швы трещали. С лета 2024 года наступление Израиля в Ливане и атаки на Иран резко ослабили Иран и «Хезболлу», верных союзников Асада. Действительно, в дополнение к уничтожению высших чинов «Хезболлы», Израиль ослабил огромный арсенал иранских ракет и снарядов этой группы, и Израиль продолжал атаковать иранские поставки оружия «Хезболле» в Сирии даже после того, как Израиль и Ливан объявили о прекращении огня 27 ноября. В то же время Эрдоган, частый противник Асада, терял терпение из-за отказа Сирии пойти на компромисс и примириться с Турцией, и даже президент России Владимир Путин, близкий союзник Асада, был разочарован нежеланием режима найти хоть какую-то меру примирения. Тем временем повстанцы превратились из сирийского отделения «Аль-Каиды» в исламистскую группировку, которая отсеклась от транснационального джихадизма, сосредоточив свою борьбу исключительно на режиме Асада. Выжидая своего времени, она заключила союзы с другими группами, смягчила свое послание, получила защиту от Турции и создала гражданское правительство в своей зоне контроля в Идлибе, даже когда она правила железным кулаком. В течение этих лет повстанцы никогда не упускали из виду свою главную цель: свергнуть Асада. Затем, в начале ноября, переговоры между Дамаском и Анкарой — о создании условий, которые позволили

бы сирийским беженцам в Турции безопасно вернуться домой, что стало движущей проблемой для Турции — снова развалились из-за непреклонности Асада, событие, которое, возможно, заставило правительство Эрдогана не встать на пути повстанцев, когда группировка решила вырваться из Идлиба несколько недель спустя.

В конце концов, едва ли кто-то из сирийцев оказался готов пожертвовать чем-то еще ради этого режима или просто не смог. Возможно, самое важное, повстанцы рассчитали, что плохо обученные, недоплачиваемые и деморализованные силы сирийской армии не окажут более чем символическое сопротивление. Они оказались правы. Сирийские силы, по большей части, растаяли. Наблюдая за быстрым прогрессом повстанцев, жители Дараа и Эс-Сувейды на юге быстро восстали и изгнали режим из своих районов по собственному желанию.

Возможно, еще более шокирующим был крах международной поддержки Асада. 6 декабря Россия отозвала свои войска и дипломатов и начала вывод войск со своих баз. С сокращением возможностей Иран также вывел своих союзных ополченцев, понимая, что сражаться за Асада бесполезно. На востоке курдские Сирийские демократические силы и возглавляемые арабами военные советы заключили соглашения с силами режима о захвате контролируемых режимом районов Дейр-эз-Зора и, что наиболее важно, контрольно-пропускного пункта Альбу-Камаль с Ираком, отрезав линии снабжения режима из Ирана и Ирака. По мере приближения повстанцев к Дамаску оставшиеся российские, иранские и правительственные силы также отходили со своих позиций по всему северо-востоку.

Будущее Сирии и региона наполнено неопределенностью. Столкновения уже идут между поддерживаемыми Турцией вооруженными группами Сирийской национальной армии на севере и курдскими. В то время как большинство сирийцев ликует, включая миллионы изгнанников, которые начинают возвращаться домой из Ливана, Турции и других мест, судьба многих курдов, изгнанных Турцией ранее из Африна и других районов на севере, менее определена. Генерал Мазлум Абди объявил, что его администрация довольна падением режима Асада, но курдам и Турции нужно будет прийти к компромиссу, который не развяжет больше кровопролития внутри и за пределами

границ Сирии, что является сложной задачей даже в лучшие времена.

Между тем, тысячи боевиков Исламского государства остаются в тюрьмах на северо-востоке под контролем ополченцев. Эти бойцы, если они сбегут или ячейки снова появятся, станут серьезным препятствием для любого правительства после Асада и для региона. Аналогичным образом Израиль уже вторгся в демилитаризованную зону на своей границе с Сирией и продолжает наносить удары по складам оружия и предполагаемым местам производства химического оружия. На данный момент Турция получила сильное преимущество в текущем исходе, а Россия в своем поспешном отступлении понесла сокрушительные потери. Однако Иран, похоже, является самым большим проигравшим, поскольку его стратегия «передовой обороны» развалена, а сам Тегеран теперь опасно уязвим для потенциального израильского нападения на его ядерную программу.

На фоне этого быстро меняющегося баланса внешних сил сирийцы столкнутся с тяжелой борьбой за раздел власти дома. ХТШ — это признанная США террористическая группировка, не пользующаяся особой популярностью на своей родной территории в Идлибе. До сих пор ее лидер Абу Мохаммед аль-Джолани был осторожен, чтобы занять примирительную позицию не только с многочисленными меньшинствами Сирии, но и с бывшими должностными лицами режима. Другой вопрос, сохранится ли этот тон и последуют ли его примеру другие повстанческие группы и оппозиционные фракции. По мере возвращения в страну большего количества сирийцев, включая различных лидеров оппозиции, неизбежно возникнет напряженность. Многие люди могут обнаружить свои дома разграбленными или в них будут жить новые семьи. Вооруженные группировки внутри Сирии и изгнанная оппозиция могут бороться за власть. На данный момент ХТШ, по-видимому, придерживается инклюзивной модели управления на местном уровне, привлекая меньшинства и тех, кто никогда не жил в контролируемых оппозицией районах.

Наступление повстанцев стало возможным отчасти из-за динамики за пределами границ Сирии, включая роспуск Хезболлы и ухудшение отношений между Анкарой и Дамаском. И наоборот, падение Асада вызовет шоковые волны далеко за пределами Сирии. Чтобы обе-

спечить стабильную и единую страну, потребуется срочная и постоянная региональная и международная поддержка, чтобы помочь сирийцам восстановить порядок, создать гражданское правительство, способствовать примирению и переходному правосудию и начать восстановление опустошенной страны.

Слишком долго Сирия игнорировалась Соединенными Штатами и их западными союзниками, которые считали режим Асада непоколебимым, пока они не обнаружили, что это не так. Наряду с наследием многих лет международных санкций и экономического беспорядка нельзя сбрасывать со счетов перспективу новой гражданской войны и еще большей нестабильности во всем регионе. Для предотвращения дальнейшей трагедии западным странам и арабским государствам Персидского залива, в частности, необходимо связаться с новыми лидерами в Дамаске и направить их к прагматичному, если не демократическому, управлению. Наконец, обретя надежду после падения режима Асада, сирийский народ ожидает не меньшего от стран, которые на протяжении многих лет позволяли стране продолжать страдать за свой счет.

Между тем Израиль, изначально приветствовавший свержение режима Асада, использовал ситуацию для нанесения массивно-

ванных авиаударов по военным объектам на территории Сирии. Как сообщали израильские официальные лица, это делается с целью не допустить попадания арсенала павшего режима в руки своих противников. Израиль также перебросил танки через границу в демилитаризованную буферную зону. Полагаем, что Израиль этим приобрел новые территории и расширил пределы своего государства, думается это еще начало, у израильских геополитиков в арсенале имеются грандиозные планы, не удивимся если начнется война и за Иран, Израиль безусловно и здесь имеет свои интересы.

Сирия, наверное, уже наверняка не будет той Сирией, которая была на протяжении всех последних 50 лет, пока семейство Асадов управляло этой страной. Режим Асада пал под натиском исламистов, некой реинкарнации ИГИЛ. Поэтому у Израиля есть очень четкое понимание необходимости защищать свои интересы, свою безопасность в первую очередь, даже если это происходит за счёт нарушения международных договоров, как в случае с договором о линии разделения огня между Израилем и Сирией от 1974 года, который по сути был нарушен Израилем, когда армия вышла за линию разделения огня в так называемую буферную зону».

Литература:

- [1]. Ахмедов В.М. Сирия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2012. С. 305-320.
- [2]. Багдасаров С.А. Сирия: причины конфликта. Пути выхода. - URL: <http://sabagdasarov.ru/article/3> (дата обращения: 14.11.2020)
- [3]. Бакланов А.Г. Сирия как геополитический узел // Интервью журналу «Международная жизнь» от 11 июня 2020 г. - URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26632> (дата обращения: 18.11.2020)
- [4]. Долгов Б.В. Сирийский конфликт // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН, 2015. С. 401-421.
- [5]. Иванов С.А. Региональное измерение последствий сирийского конфликта // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 111-118.
- [6]. Марина Изория. Ближний Восток в геополитике Саудовской Аравии. // THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16>, Тб., 2022, №27, с.134
- [7]. Марина Изория. Геополитика сепаратизма. // THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №25, Тб., 2022, №23, с.48
- [8]. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Коллективная монография /отв.

ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. - 556 с.

Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М.: Навона, 2009. - 202 с.

[9]. Добаев И.П., Добаев А.И. Истоки и факторы современной активизации терроризма на Ближнем и Среднем Востоке // Россия и мусульманский мир. 2016. №8 (290). С. 107-118.

[10]. Зеленев Е.И., Озеров О.Б. Ислам и политические процессы на Ближнем Востоке и в Африке: платформы максимализма и минимализма // Международная жизнь. 2019. № 9. С. 70-79.

[11]. Рогачёв И.А. О приоритетных задачах международного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 30-34.

Савичева Е.М., Каур К.А. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 201. С. 120-124.

[12]. Скуратова Ю.Ю. Позиция России в сирийском кризисе // Вестник Московского университета. Серия 21 - Управление (государство и общество). 2017. № 1. С. 138-149.

GURAM MARKHULIA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

SYRIA IN THE MIDDLE EAST GEOPOLITICAL PHILOSOPHY

Summary

In the context of international relations, the Middle East has traditionally been one of the key centers where processes originate and develop that are not limited to local-territorial frameworks but are capable of influencing the political situation on a global scale. In modern conditions, the region remains an area where different cultures and civilizations come into contact, and the interests of not only regional but also global players collide. The consequences of their actions are highly contradictory and ambiguous for the peoples living in the region. The situation is currently deteriorating. As a result, there is reason to believe that the Middle East, both in previous periods of history and at present, has a very unique status. At the same time, one of the sore points of the region for a number of years now has been the Syrian Arab Republic, the situation in which cannot be thought of in isolation, outside of geographical boundaries. The key problems of the Middle East are currently concentrated on its territory, as a result, it is here that the fate of the entire region is being decided. The complex nature of the existing international relations, in which modern Syria conducts its foreign policy, has a number of consequences, including - it orients the state leadership to the development and implementation of certain priorities. Their definition presupposes a special structure of foreign policy activities, concentration of efforts. The armed confrontation, which initially arose between the official authorities of the SAR headed by President Bashar al-Assad and the camp of his opponents, attracted the close attention of a number of regional and international actors, which contributed to both the complication of the structure of the Syrian conflict and its internationalization. The evolution of the conflict occurred under the influence of many diverse factors, including the terrorist threat brought in by radical Islamist groups, which then began to spread beyond Syria and further - the entire Arab world.

Over the past decade, the broader regional security environment of the Middle East and North Africa (MENA) has been shaped by a cycle of insecurity and instability. Structural transformation in MENA has unleashed forces that have destabilized the region through multifaceted conflicts that have

involved many local, regional, and global actors. The security risks and challenges posed by the wave of instability and conflict have significantly reshaped the MENA region's international relations. The decade of upheaval was driven largely by demands for political transformation observed in several countries. Broader transitions in the international order have also significantly accelerated the pace and direction of regional restructuring. The transformation of the regional order was driven by a wave of popular uprisings referred to as the Arab Spring. While the promise of democratic change heralded by the initial phase of the Arab Spring generated optimism, its second phase increasingly saw regional transformation in pessimistic terms. Initial projections of democratization generated mixed feelings about the future direction of regional transformation. However, no single actor's efforts were sufficient to support the political transformation agenda, and divergent positions taken by different international actors led to a stalling of political reform. Increasingly, the region was drawn into a cycle of violence, as seen in Libya, Syria, or Iraq, creating a host of security challenges that threaten local actors as well as creating security spillovers for the international system as a whole. This new security environment ultimately changed regional and extra-regional attitudes toward the issue of political transformation, narrowing the scope for the reform agenda.

For more than half a century, the Assad dynasty seemed to have an unbreakable grip on Syria. Backed by a formidable security apparatus, brutal force, and powerful allies like Russia, Iran, and Hezbollah, it survived multiple uprisings and even a horrific civil war that killed hundreds of thousands and, for a time, saw the regime lose control of much of the country. In recent years, Syrian President Bashar al-Assad, whose government had been sanctioned and ostracized by regional and international diplomacy since 2011, even regained some of his footing when the Arab League rebuilt Syria and there was talk of easing sanctions. But the regime ultimately proved a house of cards. To the world's surprise, it was crushed by Islamist rebels from Hayat Tahrir al-Sham – the Syrian Liberation Group – in a matter of days, with little resistance. On Sunday, as rebels quickly took control of Damascus, Russia announced that Assad had taken refuge in Moscow and his former prime minister had been escorted to the Four Seasons Hotel in the Syrian capital to formally hand over power. It all took less than two weeks, with little bloodshed, in contrast to the huge number of people who have lost their lives in the war.

Meanwhile, Israel, which initially welcomed the overthrow of the Assad regime, used the situation to launch massive airstrikes on military targets in Syria. As reported by Israeli officials, this is being done to prevent the arsenal of the fallen regime from falling into the hands of its opponents. Israel also moved tanks across the border into the demilitarized buffer zone. We believe that Israel has acquired new territories and expanded the borders of its state, I think this is just the beginning, Israeli geopoliticians have grandiose plans in their arsenal, we will not be surprised if a war begins for Iran, Israel certainly has its own interests here. Syria will probably no longer be the Syria that it was for the past 50 years, while the Assad family ruled this country. The Assad regime fell under the onslaught of Islamists, a kind of reincarnation of ISIS. Therefore, Israel has a very clear understanding of the need to protect its interests, its security first and foremost, even if this happens at the expense of violating international treaties, as in the case of the 1974 Israel-Syria Separation Line Agreement, which was essentially violated by Israel when the army went beyond the separation line into the so-called buffer zone.”